

ЧАЕПИТИЕ В ТАРУСЕ

Косм. правда. - 1992. - 19 июня.

Таруса — городок древний. Если в его истории покопаться, много чего интересного можно найти. Главная нынешняя печальность — дом Паустовского. Как пройти до него, укажет вам каждый. Но не будем спешить, музея в нем нет, в доме живут. И напомним любителей или поклонников Паустовского жизни в нем можно сделать невыносимой. С этими мыслями шел я неделю назад по Тарусе. Цвела сирень, на одуванчиках пировали шмели, в зеленом царстве палисадников и садов кособоко стояли деревянные домики. По улицам бродили куры, а как раз на перекрестке, где надо свернуть «к Паустовскому», «гайшиником» стоял гусак — сторожил купавшихся в луже летых гусей. Шумела скрытая в зелени речка Таруска, угадывалось переходящее в синеву русло Оки. Паустовский называл Оку «самой русской рекой». А это место — Таруса и напротив Поленово, — возможно, самое живописное на Оке.

□ — Помните Паустовского? — спросил я угостившего меня водой Михал Ивановича Крюченко.

— А как же — сосед! — ответил бывший шофер, поселившийся тут, в Тарусе, в один год с Паустовским.

— И что же запомнилось?

— Да как вам сказать, я ведь все на машине. А у него дела книжные и рыбалка. Очень любил рыбалку! Но вообще-то я с ним не встречался.

Исполнилось

сто лет

со дня рождения

Константина

Паустовского.

По решению

ЮНЕСКО

текущий год

отмечается миром

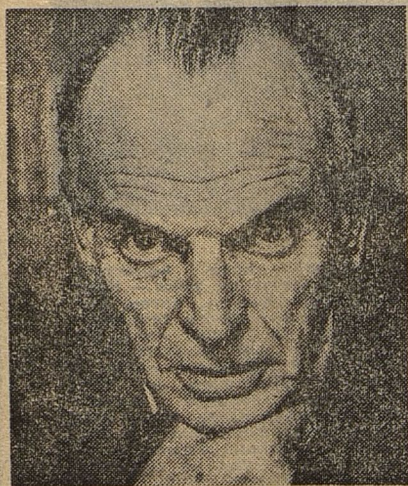
как

Год Паустовского.

Привез, помню, за бутылку ему машину песку. И один раз до станции его подбросил. А больше, извините, не встречался. Вы с дочерью поговорите, она как раз тут — вон машина стоит у калитки.

□ Я робко заглянул за штакетник — много разных цветов, ягодные кусты, уже немолодые деревья, наверняка помнившие рыболова, ходившего вниз к Таруске.

— Галина Алексеевна, к

вам гости! — выручила, видя мое затруднение, жена шофера.

Принят я был радушно, угодив как раз к полднечному чаепитию. За столом и проходя по комнатам и по саду мы говорили о Паустовском. Слово «интервью» — совершенно неподходящее для этой неспешной беседы. Приемная дочь Паустовского Галина Алексеевна, девочкой кормившая комаров на Мещере, была свидетелем жизни Паустовского

тут, на Таруске, с первого дня до проводов на здешнее кладбище. Не спросил, пробовала ли перо, но рассказчица она редкостная.

□ — Почему Таруса? Паустовский сам нашел это место?

— Представьте, нет. Открытую им Мещеру стали одолевает туристы (Пришвин отцу говорил: «Сам виноват, расхвалил...»), и комары, признаться, поднадоели. Решили место для летней жизни сменить. Константин Георгиевич сказал: «Четыре условия: место должно радовать глаз, туда не должно быть хорошей дороги, должна быть рыбалка и чтобы не было комаров». И вот явился один из друзей: «Такое место есть!»

Среди снимков находим мы с Галиной Алексеевной фотографию дома, который предстояло купить в Тарусе, — деревянная развалюха на неухоженном пустыре. На другом снимке, видимо, сделанном в тот же день, — Паустовский. Вид у него грустноватый. Таруса, Ока сразу ему понравились. Но неказистость жилья и, главное, этот пустырь, конечно, не радовали. И все-таки именно тут, в Тарусе, Паустовский решает бросить жи-

зненный якорь. «Плодотворным и счастливым для меня оказалось знакомство со средней полосой России. Произошло оно довольно поздно, когда мне было уже под тридцать лет... С тех пор я не знаю ничего более близкого мне, чем наши простые русские люди, и ничего более прекрасного, чем наша земля». Это относится не только к Тарусе, но написано тут, на Оке.

— А что касается пустыря, то сейчас, посмотрите, невозможно даже поверить, что он тут был. Речки не видно. И все, что у дома растет, посажено. Сохранилась бумажка, на которой рукой отца написано, какие цветы хотел бы он видеть у дома. А деревья сюда привозили уже двадцатилетними — отцу не терпелось видеть у окон зелень. Все разнообразие: липы, клены, рябины, елки, осины, дубы, заросли черемухи, облюбованные соловьями, все такое естественное на берегу речки, стало расти с появлением Паустовского. Зелень нужна была срочно ему и для уединения. С другого берега туристы, все, как правило, поклонники Паустовского, постоянно разглядывали нашу обитель в бинокли.

Дом взялись ремонтировать,

а отцу для работы спешно построили беседку. Она сохранилась такой, как была. Пойдемте глянем...

Да, уютный уголок с видом на речку, на леса за Окой. Стол из струганных досок на козлах и табуретка. Больше ничего нет и не было тут. В беседку Паустовский приходил с чернильницей и бумагами. Сейчас над углом стола натянута сеть небольшой паучок и, возможно, поймает кого-нибудь залетевшего в открытую дверь беседки.

□

Но когда обустроили дом, в нем для работы была выбрана простая и благодаря открытому в сад онну всегда полная света и воздуха комната. В ней все сохранилось, как было при Паустовском. Посередине стол. С двух сторон его — плетеные кресла, на одно Паустовский садился писать обычным пером, а потом пересаживался в другое напротив и отстукивал написанное на машинке.

— Когда выходил в сад, брал с собой лупу. Вот она, уже без оправы, выщербленная. Паустовский любил разглядывать через лупу цветы. Он говорил: «Посмотри, Галя, некрасивых цветов нет, даже самый маленький и невзрачный очень красив».

Полки с книгами...

— Чаще всего раскрывал Чехова. Но вот рядом — обычный школьный определитель

растений. Зеленый мир Константин Георгиевич знал, но всегда жаловался, что знает недостаточно. У него вы прочтете: «Истинное счастье — это прежде всего удел знающих, а не невежд. Человек, знающий, например, жизнь растений и законы растительного мира, гораздо счастливее того, кто... не может отличить ольху от осины или клевер от подорожника». С прогулок Паустовский всегда возвращался с какой-нибудь травкой или цветком. И сразу за эту книжку — удостоверится в знаниях или скажет: «А этого я не знал».

Как вещи совершенно естественные в этом жилище: видишь барометр, бинокль, подзорную трубу, удочки, на стене — старую карту Земли.

— К картам у него была особая страсть. Он часами мог просиживать над листом, разглядывая в лупу жилки рек и кружочки озер, читал названия. Сеговал: «Сколько же надо жизни, чтобы увидеть все это не на бумаге!»

Вернувшись из Франции и делаясь впечатлениями, он написал простодушно, что не было денег купить изданные в Париже старые карты. Какой-то французский студент

(Окончание на 4-й стр.)

ЧАЕПИТИЕ В ТАРУСЕ

(Окончание.)

Начало на 1-й стр.)

прочел эти строчки, и вот в Тарусе пришел подарок. — Были у Паустовского учителя?

— Мне кажется, он учился всю жизнь, хотя знаниям его могли позавидовать географы, ботаники, историки, художники, искусствоведы. Он много читал. Любил сердечные беседы с людьми. Считал: одна из самых больших радостей бытия — путешествия. «Моя писательская жизнь началась с желания все знать, все видеть и путешествовать».

— В творчестве были у него, конечно, авторитеты. Вот посмотрите портреты на стенке: Бунин, Блок, Пастернак. Заметьте, все — поэты. Паустовский тоже начинал со стихов. Решился показать их Бунину. Тот сказал: «Вы человек способный, но стихи не пишите, пишите прозу». Паустовский к этому прислушался, но стихи очень любил всю жизнь. Имел привычку по памяти печатать стихи на машинке, это называлось «настраивать инструмент».

— А вот посмотрите, рядом с портретами знаменитостей в самой дорогой рамке фотография старика из Мещерской Солотчи Семена Елесина. Соседство с Буниным этого деревенского человека — не случайность и не кокетство. Паустовский многому учился у простых людей, они же и главные его герои. «Больше всего я люблю писать о людях простых и безвестных — о ремесленниках, пастиках, паромщиках, лесных объездчиках, бакенщиках, сторожах». Семен Елесин — один из них.

— Какими были их отношения с Пришвиным?

— Обоюдное уважение. Пришвин глубоко интересовался Паустовским как «единоверцем». Соперничества в литературе у них не было, каждый шел своим путем, каждый имел свой характер. Думаю, взаимная приязнь питалась еще и стойкостью не поддаваться конъюнктурным явлениям жизни. А это было ох как непросто! Оба они остались верными своему предназначению. Обоих поклевывали, и часто весьма чувствительно, за «травку и птичек», но ни тот, ни другой не дрогнул. Безмолвный ответ их был прост: «Это все нужно человеку. Без этого жизнь потеряет для людей вкус».

— В исповедальных записях жителя селца Дунино я прочел: «Не будь я Пришвиным, я хотел бы писать в наше время, как Паустовский».

— Да, эти строчки известные. В них осознание собственной личности и уважение к другой.

— Валерия Дмитриевна Пришвина рассказывала: Паустовский первый пришел в дом, когда умер Пришвин, со слезами и со словами: «Чем я могу помочь?»

— Да, это все в характере Константина Георгиевича. Им написано предисловие к посмертному собранию сочинений Пришвина. Вот как оно начинается: «Если бы природа могла чувствовать благодарность к человеку за то, что он проник в ее тайную жизнь и воспеет ее красоту, то прежде всего эта благодарность выпала бы на долю писателя Михаила Михайловича Пришвина».

— Кто бывал у Паустовского в этом доме?

— Друзей было много. Вот на этом диване сидели Шолохов, Юрий Назаров, актер Баталов, писатель Владимир Максимов, Окуджава, поэты Заболоцкий, Корнилов. Знаменитая в пятидесятых годах книжка «Тарусские страницы» обдумывалась здесь.

— Кому-нибудь онаывалось сердечное предпочтение?

— Любимым был Заболоцкий как художник и как человек. Николай Алесеевич летом жил тоже в Тарусе, и если говорить о человеческой дружбе, то она была крепкой.

Приходило в дом много читателей Паустовского. Часто с рюкзаками. Обременительно, но не закрывшись, не прогонишь. Отец безропотно нес этот крест. — фотографировался с посетителями, беседовал, писал автографы.

— А каким был его день?

— В последние годы Константин Георгиевич был очень болен. Астма заставляла его просыпаться в четыре утра. На пыпочках, чтобы никого не разбудить, он шел на кухню — «отогреться чаем», на полчаса выходил в сад посмотреть, что и как просыпается. В шесть садился за стол работать. К общему завтраку обычно выходил, потирая руки: «Ну, я свою норму выполнил». Кроме недуга, причиной ранних подъемов была еще свойственная отцу жажда жизни: «Не проспай бы чего-нибудь».

Во второй половине дня непременно ходил. Дорогу к деревне Сатурмино называл «самым красивым местом в стране». Страстью была рыбалка. Воды в окрестностях много — Таруска, Ока, пойменные озера. Местечко Ильинский омут стало названием рассказа-очерка или скорее даже публицистики, где Паустовский сильно и трогательно

но сказал о любви к Родине, о том, что это значит для человека и чем питается это чувство.

— Галина Алексеевна, недавно в Париже, беседа в книжной лавке с продавщицей, русской старушкой, я услышал: «Вот на этой скамейке сидела я с Паустовским». И я узнал: примерно в те самые годы, когда мы для себя открыли Экзюпери, во Франции был «открыт» Паустовский.

— Паустовского переводили много, во многих странах, но Франция — случай особый. Тут есть интересная коллизия, какие Паустовский очень любил в своем творчестве.

Летом 56-го года он в большой компании писателей на пароходе отправился путешествовать к странам Европы. Во Франции, в те годы это было явлением обыкновенным, писателей в дружеские объятия заключили русские эмигранты. К отцу подошла женщина: «Вы Паустовский?.. Я обязана вам жизнью». Выяснилось: парижанка Лидия Николаевна Делекторская — урожденная сибирячка. Отец ее до революции был главным врачом в Барнауле. В гражданскую войну отец и мать умерли от тифа. Осиротевший ребенок с потоком беженцев оказался в Харбине. Отсюда девочку переправили к родственникам в Париж. Но оказалось: родня хороша, когда находится далеко.

Сибирячка предпочла самостоятельную жизнь. Но не было ни житейского опыта, ни профессии. Зарабатывала танцами в кабаре, была натурщицей у художников. Однажды оказалась в мастерской Матисса, того самого, чьи полотна украшают залы импрессионистов в московском музее. Художник, закончив сеанс писания с натуры, увлекся беседой с сибирячкой и предложил работать у него секретарем...

Они были вместе больше двадцати лет. Оставим для мемуаров Лидии Николаевны подробности этой жизни. Когда Матисс умер, она опять, как когда-то в Сибири, почувствовала себя сиротой. В дни отчаянного одиночества ей попала в руки книжка Паустовского. Лидия Николаевна очень подробно и интересно рассказывала, как чтение возвратило ей понимание нужности жизни. Встретившись с Паустовским, она сделала все что могла, чтобы пребывание его во Франции было интересным и плодотворным. Просясь, Лидия Николаевна сказала, что попробует переводить Паустовского на французский. Деликатный отец не знал, что сказать. Но Лидия Николаевна проявила и талант, и характер, и умение братья за работу по-деловому. Книжки на французском стали выходить одна за другой. Только три русских писателя имеют собрание сочинений на французском — Тургенев, Горький и Паустовский.

— Отдадим должное Паустовскому, то, что не читается, — не переводят. Но и Лидия Николаевна на какой высоте! Паустовского переводить непросто, он по натуре — поэт. А Лидия Николаевна до этого литературой не занималась. Сама она говорит: никого другого перевести не могла бы, а вот Паустовского не могла не перевести. Вот они все шестнадцать томов на полке. Встреча с талантливой сибирячкой-француженкой — подарок судьбы Паустовскому.

— Была Лидия Николаевна тут, в Тарусе?

— Да, конечно. Вот одна из последних фотографий ее с отцом. Редкой красоты, редкого таланта и жизнелюбия человек.

— А вот посмотрите, Галина Алексеевна, фотография, которую я привез. Узнаете?

— Да. Это Марлен Дитрих и Паустовский.

— Но объясните, в чем дело — Марлен на коленях, а Паустовский явно смущенный. — О, это тоже история! Знаменитая актриса была в Москве. Ее пригласили в Дом литераторов. Паустовский перенес восьмой по счету инфаркт. Но надо знать его страсть наблюдать интересных, нестандартных людей. Несмотря на протесты врача, он приехал на встречу.

Умершая недавно Марлен Дитрих была великой актрисой и цену себе хорошо знала. С кем угодно она могла быть холодно-корректной и излучала тепло, встречаясь с друзьями, а в друзьях у нее было много знаменитостей мира.

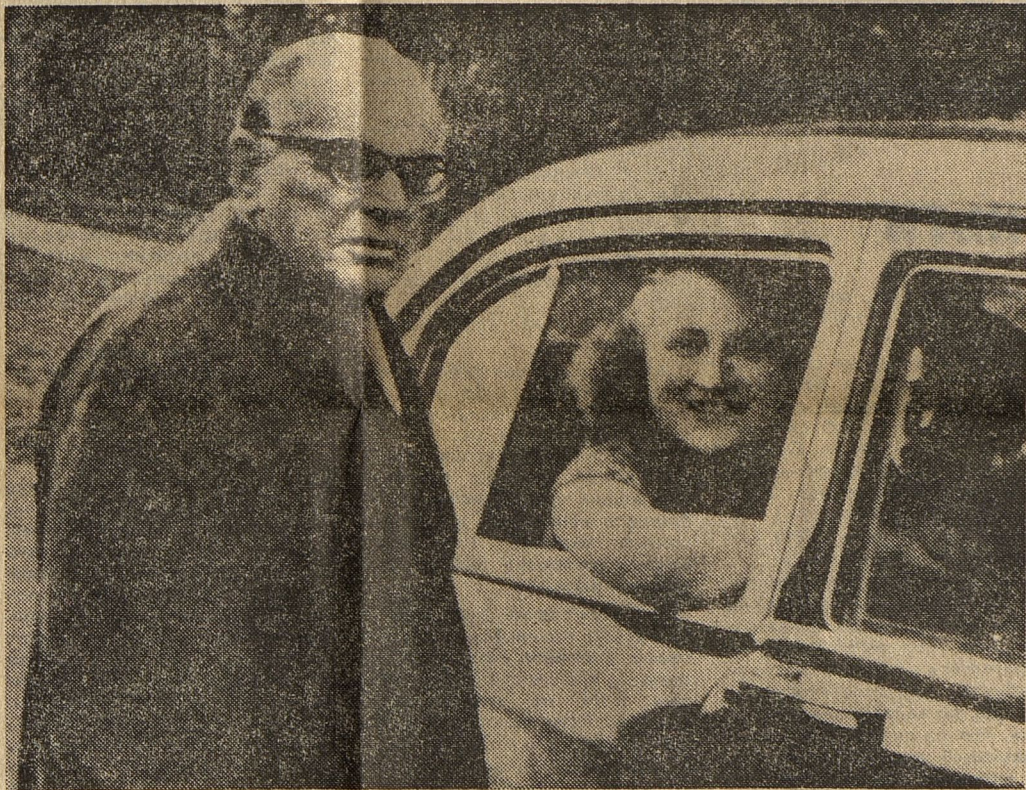
На встрече с писателями в тот год все проходило по закону: кумир и поклонники. И вдруг кто-то спросил: а знает ли госпожа Дитрих кого-нибудь из советских писателей, в смысле читала ли что-нибудь? Актриса смутилась, сказала, что очень сильно в этом отстала от жизни, но одного писателя знает, и назвала Паустовского. Сказала даже, что особенно ей понравился рассказ «Телеграмма». У Кон-

стантина Георгиевича рассказ этот — не самый сильный. Но, возможно, он затронул что-то личное у актрисы, это часто бывает при чтении. Реакция зала на это признание была бурной. Все стали показывать на отца: вот Паустовский, он здесь! Объект почитания встал. И поскольку момент неожиданно стал кульминацией встречи с актрисой, Константин Георгиевич счел обязанным выйти на сцену. Актриса от нахлынувших чувств, от некоторой растерянности, и от бурления зала вдруг опустилась перед Паустовским на колени. Страшно смущенный, Константин Георгиевич бросился ее поднимать. «Ни в коем случае!» — закричал врач из зала. Не все понимали, в чем дело. Всем было хорошо и весело. И кончилось все хорошо, если не считать дождя всяких блесков и камешков, которые посыпались с облежавшего актрису платья, пока она поднималась с коленей. Снимок... Да именно так и было.

— Василий Михайлович, а вам приходилось с Паустовским встречаться?

— Нет. Я был в «Комсомолке» в те годы молодым репортером и, конечно, преданным читателем Паустовского. В одном очерке его имя очень уважительно я назвал, но редактор это место решительно зачеркнул, уклонившись от объяснений, и я подумал, что шеф владеет какой-то тайной...

— Тайна была простая. На обсуждении книги Дудинцева «Не хлебом единым» Паустовский очень решительно высказался по поводу царивших в обществе порядков. Ну и, конечно, сразу же стал полузапретным. Видите, даже имя в газете упоминать, как гово-

Паустовский и сибирячка-француженка Лидия Николаевна Делекторская.

рилось тогда, «не рекомендовали». Остановилось издание собрания сочинений.

— Паустовский это переживал?

— Ну, конечно, это радости не доставляло.

— Расскажу и я вам маленькую историю. Успешно в те годы шли дела с космосом. Было ясно, что скоро может полететь человек. Размышляя об этом, я подумал: а ведь вернувшись на землю, человек будет плакать от счастья. Вот об этом бы написать — о земле, о всем, что связывает с ней человека. Паустовский... Я ему позвонил. Ответил мне тихим голосом явно больной человек. Я рассказал об идее, и Константин Георгиевич сразу же согласился. «Да, об этом следует написать». Он спросил телефон, поинтересовался, скоро ли надо? И я стал ждать, заранее радуясь за газету. И дождался, но был озадачен и удивлен: очерк-размышление появился... в «Известиях». Небольшого труда стоило вычислить, в чем было дело. Паустовский, конечно, страдал от «опалы» и послал написанное в «Известия» потому, что там редактором был Аджубей, а это почти что Хрущев. И человек не робкий. Значит, появление имени в этой газете как бы отменяло запреты.

— Не знаю, так ли все было, но логика в этом есть...

— Шумит окутанная ивами и черемухой Таруска. За ней сияет долина Оки, белеет церковь в деревне Быхово. А дальше земля закругляется, и надо идти или плыть, чтобы увидеть, что же там дальше.

Жильца тарусского дома всю жизнь волновали эти сияющие дали, и он будил это чувство и у других. «Земля нам дана для жизни. Как же мы можем не быть благодарными тому человеку, который открыл нам до дна всю простую красоту этой земли, тогда как до него мы знали об этом неясно, разрозненно, урывками». Это Паустовский сказал о Пришвине. В полной мере эти слова относятся и к нему самому.

В. ПЕСКОВ.